От неожиданности увиденного, глаза Айсель непроизвольно, лишь на секунду расширились.

Прохладный свежий воздух хлынул внутрь через распахнутое окно, но металлический запах крови он уберёт не скоро.

Краем уха услышала, как до этого радостная Лавини замолчала, затаив дыхание.

Посмотрев на неё, я увидела двенадцатилетнюю девочку с выпученными от страха глазами. Она как будто видела ужасного монстра, безжалостно разорвавшего дорогого ей человека минуту назад.

Девочка сотрясалась от ужаса, не в силах даже заплакать. Она не слышала биения собственного сердца и не шевелилась, смотря из-за порога в мертвые глаза той, кого считала матерью.

*

*

*

А теперь давайте по порядку.

Уже прошло три года с тех пор, как я живу в императорском дворце, и год с момента как объявили, что у меня «чудом» появились зрение и голос.

На самом деле я даже не знаю, до какого бы момента скрывала про то, что здорова, если бы не жрец Корнелий.

Его задачей было следить за мной и давать отчёт о моем поведении императору.

С того момента, как я пришла в Императорский дворец, моя жизнь должна была стать полным запретом.

Мне запрещено было бы быть на улице более одного часа в день. Под запретом желание учиться фехтованию, а также интересоваться магией. Не разрешено читать любые книги.

У меня полностью бы забрали свободу.

Мою комнату бы перекрасили в розовую. И все дела, которые только я могла выполнять, должны были бы быть чисто девчачьи. Уроки шитья, танцы, игра на инструментах... Это всё то,

что я всегда ненавидела. И должна была бы это всё делать против своей воли, если бы Корнелий не оказался адекватным человеком.

«Я бы даже назвала его святым.»

Нет, он не отменил это всё, но упростил, чем очень сильно помог.

Также Корнелий был мне учителем и пояснял, что такое магия, какие её виды бывают, чем отличается магия от священной силы жреца и остальные детали.

Это были просто лекции, в которых раскладывается всё по полочкам для той, что шесть лет деградировала в заброшенном дворце и не видела мира. Но так как ментально мне явно больше и примерно всё это знаю, мне не было что-то непонятно.

Всего существует три способа использовать ману, их назвали просто: самостоятельный, заимствованный и подчиняющий.

Самостоятельный – это когда ты сам высвобождаешь свою ману, превращая её в какой-то элемент магии. Этот способ раньше использовали только маги, но с прошлого века им стали пользоваться совсем немного и рыцари, за что таких прозвали Рыцари маны. И Ансель является именно из таких.

Не каждый человек способен стать магом или вселять ману, для этого нужно обязательно родиться с ней в теле. Люди рождающиеся с манной составляют всего 45%. Маги и рыцари манны очень ценятся.

Заимствованный – это когда получаешь силу от какого-то источника. К ним относятся жрецы и алхимики.

Этот способ получить силу проще, нежели первый: молитва, контракты, или жертвоприношение. Но ты всегда будешь ограничен тем, сколько тебе дадут, и тем, что прописано в договоре.

И, наконец, подчиняющий – ты можешь использовать чужую силу при помощи договора или подчинения на призыв. К ним относятся некроманты, призыватели, демонологи.

Этот способ немного рискован, так как призвать можно неподвластную тебе сущность, что может навредить не только тебе, но и другим, если ты его не сможешь контролировать.

— ... Жрецы зачастую целители, а вот маги бывают трёх типов: атакующие, защищающие и, очень редко, балансирующие.

Я потянулась за ручкой, чтобы кое-что спросить, как он остановил меня вздохом.

Закрыв учебник, Корнелий сел напротив меня и устало произнёс:

— Ты помнишь, что я говорил? «Жрецы могут даже зёрнышко увидеть». Я знаю, что ты можешь говорить и видеть, так что в этом нету необходимости.

Но я всё же сделала это и написала в ответ:

— [Нас могут услышать, так что я продолжу. Почему же Вы тогда не рассказали ничего императору?]

Корнелий усмехнулся.

— Если я хочу помочь ему, то не должен этого делать. — весело подмигнул он.

— [Что это значит?]

Он скрестил руки на груди.

— Зная его, если вы поладите, он будет чувствовать очень сильную вину...

А, точно. Ливиус не умеет прощать себя и очень самокритичен. Он делает что-то в порыве гнева, но потом очень сильно жалеет.

«Поладим»? Даже не знаю, что должно произойти, чтобы он мог смотреть на меня без отвращения. Ведь глядя на меня он вспоминает себя нелюбимого. Вот почему Ливиус не любит смотреть на своё отражение. Он считает себя уродом и монстром.

Низкая самооценка, скрываемая за тысячей масок холода, гнева и безразличия, таков он на самом деле.

В романе Лавини научила его делать добро, из-за чего он почувствовал себя немного лучше. Но как по мне, она поступила глупо. Вместо того, чтобы помочь ему вылечить душевные раны, она просто закрыла их тряпкой и стала говорить, что если делаешь добро, то оно тебе вернётся.

Она хотела сделать из него добрячка, чтобы он терпел всё и делал только добро, понимал и прощал. Но... А кто сделает добро ему? Кто поймет и простит его?

Ливиус знал, что идея Лавини провалилась, но всё равно делал вид, что всё хорошо, чтобы не

расстраивать её. И даже когда умирал, он не рассказал ей об этом.

Вот так вот.

— А что насчёт тебя? Когда собираешься объявить, что здорова?

И тут я правда задумалась.

— [Всё никак не могу найти подходящий момент.]

— Отлично, тогда сделаем это завтра утром~ Что скажем? Что в сон к тебе явился ангел и исцелил, или же, что снизошло благословение? Хотя, это одно и то же.

Корнелий улыбался в предвкушении. Этот человек просто хочет посмотреть на «шоу», видимо нечего делать походу.

— [Не думала, что жрец будет помогать мне лгать.]

Хотя, вспоминаю о священниках в России, точнее Батюшку Никодима, купившего себе крутую чёрную тачку с номером «666» за деньги «на храм», и понимаю, что здесь врать – это ещё мелочь.

— Ложь во благо – не ложь. — с умным видом ответил он мне.

Так и получилось, что за один день все узнали о том, что случилось чудо – зрение и голос вернулись ко мне.

Честно говоря, я рада, что наконец-то не нужно притворяться. Ведь когда была слепо-немой, то всегда рядом были специальные служанки, которые помогали мне передвигаться и не только. Их постоянное наблюдение напрягало, но теперь этого нет. Ура.

Ещё, так как меня уже считали здоровой, императору ничего другого не оставалось, кроме как принять меня как Виссарион.

Но больше ничего масштабного не произошло. Всё было, как и было: мне не разрешалось видаться со своей «семьёй», обычные слуги также халатно обращались со мной.

Тук-тук.

— Войдите.

На несколько секунд повисла тишина, после чего двери всё же открылись и кто-то вступил на порог.

Я, читающая до этого момента книгу, что дал мне Корнелий, встала на ноги из-за кровати и посмотрела на пришедшего. Двери за ним закрылись.

Одиннадцатилетний Ансель стоял с губами, сжатыми в сплошную полоску, но его глаза просто были переполнены воодушевлением и радостью.

— Рад видеть тебя в здравии! — кивнул он, теперь со сдержанной полуулыбкой на лице.

— Аналогично. — кивок в ответ, — Но разве разрешено приходить ко мне?

— А я, как обычно, тайно. — невозмутимо ответили мне.

Я не могла не усмехнуться.

— Отлично. Тогда, как насчёт...

— Научить управлять мечом? Я для этого и пришёл.

Ансель. В романе говорилось, что когда ему было десять, он уже считался самым лучшим рыцарем маны. Его тренировки в поте лица не прошли даром. И как же жалко, что в итоге такой талант покончит с собой.

О, точно! Я вспомнила. Тот странный взгляд, которым на меня смотрел Ливиус. Он также так смотрел на Ансея. Из-за него он был несчастен. Он во всём просил его одобрения и благословения.

Ансель хотел, чтобы хотя бы раз отец сказал ему, что любит его, гордится им. Даже если Император плохо, несправедливо поступал по отношению к нему, он всё равно в итоге прощал его. Он не может не любить своего единственного родителя и ненавидит это. Он знает, что Ливиус подонок, но всё равно его любит.

*

*

*

В тайных тренировках, проходящих во дворце Ансея, пролетел один год.

Теперь этому телу девять лет.

На свой день рождения я получила от Ансея свой первый настоящий меч! Он был лёгким, но чрезвычайно острым.

Ещё, если у Ансея были какие-то дела, то со мной занимался кто-то из его прямого рыцарского ордена.

Я быстро влилась в их коллектив и обучение. Поначалу они не воспринимали меня всерьёз, считая хрупкой девочкой, что сбежит в слезах при первом же синяке, но увидев мою выдержку и стойкость, они перестали так думать.

Раздался звон меча, резко брошенного на землю.

Девятилетнее тело Айсель посмотрело на виновника с холодно безразличным взглядом, отчего пришедший на секунду дрогнул, но быстро пришёл в себя.

— Разве ты не знаешь? Отец запретил Айсель обучать владению мечом и всему прочему, что связано с насилием! — мальчик лет десяти гневно уставился на рыцаря, занимающегося со мной.

«Откуда ты взялась, восхитительная мразь~» — пропела в голове.

Его я узнала почти сразу же.

— Принц Лаксус, что вы здесь делаете?..

Лаксус фон Виссарион - второй сын Императора и Гений империи в области магии. Светлые волосы с колючими концами зачёсаны наверх, а из аметистовых глаз так и летят искры.

В отличие от холодной красоты Ансея, Лаксус обладал харизматичной красотой. У него был тот тип красоты, который мог украсть чьё-то дыхание без их ведома.

— Я что, не могу приходить во дворец своего брата, когда хочу? Ты смеешь указывать мне?

Но этот мальчишка сейчас явно вредничает. Он старше этого тела всего на год.

— Разве ты можешь посещать дворец брата в любое время? Чушь. Ты должен сначала предупредить или спросить разрешения. — я со всей своей непринуждённостью подняла свой меч с земли и всунула его в ножны.

Лаксуса аж передёрнуло от моего равнодушия и наглости.

— Тебе вообще слова не давали, так что закрой рот. — сжал кулаки, опустил голову. —
Ослушаться отца... если он к тебе проявляет какую-то доброту, это не означает, что ты можешь
сесть ему на шею!

Лаксус резко задрал голову и злобно посмотрел на меня.

Пха-ха! «Мягкость», орууу. Он и правда фантазёр.

Хотя, если так посмотреть, никто не слушается такого Императора без уверенности в том, что
при поимке он останется живым. Значит Лаксус подумал, что голова-зеленва хорошо
относится ко мне, вот я и обнаглела.

— Если бы он меня хоть немного любил, я бы его не слушалась.

Лицо каменное, голос уверенный, взгляд холодный.

Зрачки Лаксуса расширились.

«Как она может так безразлично...» — вот что он думал.

Я не думала, что он настолько потрясён, пока его глаза не сверкнули пёстро-фиолетовым.

«Где-то я похожее уже видела...»

Две небольших молнии полетели прямо на меня, и тут я вспомнила, что в романе, когда
Лавини было четырнадцать, она как-то вывела Лаксуса на мощные эмоции, и тот неосознанно
использовал на ней свою магию. Он слегка ранил её и потом очень долго жалел об этом.

Я увернулась. В этот же момент передо мной появился Ансель и взмахнул мечом, клинок
которого был покрыт пылающей аурой синего цвета.

Молнии, как по приказу волшебной палочки, развеялись.

— Что здесь происходит? — Ансель кладёт клинок в ножны. Я сравниваюсь с ним плечом к
плечу и вижу растерянного Лаксуса.

— Ансель, я случайно... Клянусь, не хотел навредить ей...

Как и думала. Он в полном шоке, ведь до этого не знал, что не способен контролировать свою магию, когда у него случается всплеск эмоций. Обычно его никто не злит и не ошарашивает чем-то.

— Ты разве не должен быть на тренировке магии?

— ...

— Вот из-за того, что ты прогуливаешь, это и случилось.

— ...

Лаксус снова молчит. Он в удивлении вытаращил глаза.

Он осознает, что оказывается ему ещё есть куда расти, и он не такой уж гений в магии. Был бы он им, то даже в эмоционально нестабильном состоянии бы контролировал ману.

И вот он кусает губу, его лицо мрачнеет.

Он понимает, что виноват, но...

— Да, я виноват! Но этого бы не случилось, если бы твой рыцарь не ослушался приказа отца и не стал бы учить её фехтованию!

Он понимает, что виноват, и всё же гордость не позволяет признать вину. Просто не может признать, что он, которого всегда хвалили и никогда не ругали, в чём-то провинился.

Ансель устало выдохнул, но всё же, видимо, собирался спокойно прояснить всю ситуацию, как тут я его перебила:

— Тебе легко говорить, ведь ты имеешь мощную магическую силу. — равнодушно. — Но что я? У меня нет ничего, чем бы я смогла воспользоваться при нападении на меня с намерением убить.

Лаксус нахмурился.

— Тебе это не нужно, это твоя охрана тебя должна защищать... — недовольно бубнит он.

— Охрана? А она у меня разве есть?

— Ну, если у Лавини есть, то и у тебя...

Мы с Анселем синхронно мотаем в отрицание головой.

— У неё нет никакой охраны. — говорит синеглазый.

— Тогда... тогда нужно сказать папе и он...

Лаксус резко замолчал, увидев мой сменившийся насмешливый взгляд над его наивностью.

— Он не станет делать этого, потому что я ему бесполезна. Зачем беречь бесполезную вещь, вызывающую лишь отвращение?

— ...

Лаксус не ответил. Он был ошарашен тем, как я спокойно говорила о таком.

Эмоциональному Лаксусу, что любит всем сердцем свою семью и дорожит ею, конечно же не понять меня.

Он притих, и в итоге всё же буркнул слова извинения, пообещав, что впредь не будет прогуливать тренировки магии и постарается усилить контроль.

— Ты расскажешь отцу о том, что здесь было? — спросил Ансель без особого интереса.

— Эй, да я и не собирался! Я же не крыса! — он надулся на то, что мы были о него такого мнения.

Так и завершилось моё знакомство со вторым сыном Императора - Лаксусом.

*

*

*

Лавини смотрела на себя в зеркало, пока её слуга бережливо расчесывала её немного мокрые, длинные блондинистые волосы.

Принцесса знатно напряглась узнав, что у Айсель появились зрение и голос.

Она побоялась того, что теперь отношения между ней и её отцом наладятся, но к счастью этого не произошло. Ливиус даже вспоминать не хочет о ней, не то, что видется. И Айсель, кажется, тоже на него наплевать. Значит она ей не враг, верно? И можно расслабиться?

Лавини детальнее рассмотрела себя в зеркале.

Круглые глазки, аккуратный маленький носик и милое выражение лица.

— Тьюберта, а я правда так сильно похожа на маму?

Служанка на миг замирает, но после продолжает свою работу. Она отвечает покорно:

— Верно. Такого же цвета волосы, глаза, фигура... Вы прекрасны, как и Ваша мать, принцесса.

Лавини почувствовала удовлетворённость и спокойствие на душе. В любом случае у неё шансов на успех больше, потому что она похожа на маму, которую так сильно любит отец.

— Тьюберта тоже очень красивая! — улыбнулась Лавини. — Думаю, что тебе присылают очень много любовных писем~

— Ох, пожалуйста, не смущайте меня, я ведь совсем обычная... — щёки Тьюберты тут же покрылись румянцем.

— Вовсе нет! — мотает в отрицание головой девочка. — Знаешь, Тьюберта, на самом деле я считаю тебя мамой больше, чем почившую Императрицу. Ты со мной вон сколько лет, а она всего три года была со мной...

Вот она какая, чистая правда.

— Я, конечно, польщена, вот только не думаю, что Вам стоит говорить об этом другим. — засмущалась ещё больше служанка. — Е-если бы я и правда была Вашей матерью... «Тьюберта фон Виссарион»... Как по мне, звучит хорошо.

— Ха-ха, кстати, да! — спохватившись, Лавини резко обернулась с искрящимися глазами в сторону Тьюберты. — Помнишь ты рассказывала, что папа сам тебя выбрал быть моей слугой? Так может ты ему понравилась и он сделал это для того, чтобы ты иногда с ним общалась?!

Тьюберта совсем превратилась в помидорку.

— Ч-что Вы такое говорите, принцесса? Что за бред? — мотает она в отрицание головой, уже успокаиваясь. — Давайте, поворачивайтесь. Время позднее, Вам уже давно пора спать.

— Эх-х-х~ — мечтательно протянув, Лавини вернулась в исходное положение.

<http://tl.rulate.ru/book/73148/2016633>